

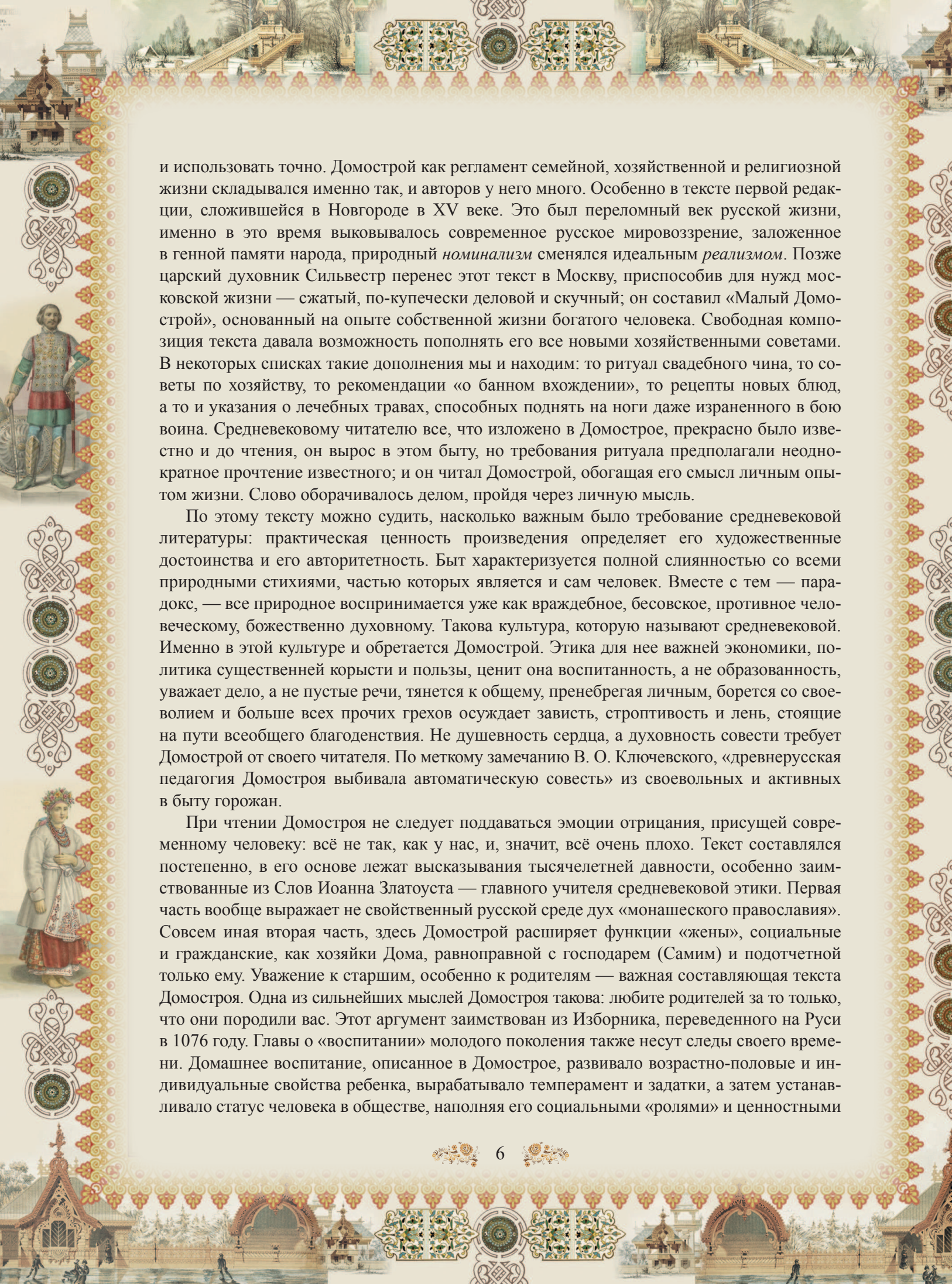
ЭТИКА ДОМОСТРОЯ

Домострой — самое сладкое блюдо старой России.

Василий Розанов

Домострой — точный перевод (калька) греческого слова οἰκονομία (домашние дела, заведование хозяйством) от глагола οἰκονομέω (заведовать, управлять домом). Таким образом, Домострой — экономика, экономия средневекового быта во всей его сложности и противоречивости. Значения слова *дом* исторически постоянно изменялись, на первый план выходили разные смыслы, в точности отражая изменения, происходившие в реальной жизни. Исконное значение слова *дом* — «кров» — это защита от внешних влияний, «моя крепость», и все старые падежные формы слова сохраняют такое значение: «иду домой», «сичу дома», «мой дом». Со временем слово накапливало новые значения, уже в древнерусском языке *дом* одновременно и «(домашнее) хозяйство», и «домочадцы», а позже всего «здание» (первоначально как *домоздание*, т. е. буквально «(со)здание дома»). Сопутствующие слова уточняли конкретное значение слова: *мой дом* — кров, *весь дом* — домочадцы, *свой дом* — хозяйство, *этот дом* — здание. Местоимения выступают в качестве определенных артиклей, конкретизирующих значение имени существительного. Прилагательные тоже участвовали в аналитическом разбиении исходного представления о доме как собирательно *крове*: *домовая* (кухня) — хозяйство, *домашние* — домочадцы, семья, а форма с самым древним ударением слова *домово́й* обозначает таинственного хранителя домашнего *крова*. В современном сознании основным является значение «здание» — своеобразное переосмысление исходного «кров», но только понятое не «изнутри», а взятое со стороны, извне; объективация мира — важная составляющая современного *понятийного* мышления, которое сменило средневековое *образно-символическое*. Домостроительный комбинат *строит* дома, а не семьи и хозяйства, тогда как назначение средневекового Домостроя состояло в строительстве хозяйской и домашней жизни людей. Таковы были основные значения слова *дом* в те времена, и новгородское выражение *Дом святой Софии* указывает на хозяйственную деятельность кафедрального городского собора.

Средневековый текст вообще составлялся для иных целей, чем современный, он существовал в других условиях. Сегодня мы отличаем слово от мысли и дела, которые за этим словом скрываются, а для наших предков слово и было дело, и Слово они ценили как Дело, направленное мудростью Мысли. Текст составлялся долго, обрастал деталями и подробностями, становился понятным путем постоянного обновления обветшавших слов. В Средние века не было личного авторства, всякий, кто воспроизводил хорошо известную формулу речи, становился ее автором, главное же было — слово понять, оценить

и использовать точно. Домострой как регламент семейной, хозяйственной и религиозной жизни складывался именно так, и авторов у него много. Особенно в тексте первой редакции, сложившейся в Новгороде в XV веке. Это был переломный век русской жизни, именно в это время выковывалось современное русское мировоззрение, заложенное в генной памяти народа, природный *номинализм* сменялся идеальным *реализмом*. Позже царский духовник Сильвестр перенес этот текст в Москву, приспособив для нужд московской жизни — сжатый, по-купчески деловой и скучный; он составил «Малый Домострой», основанный на опыте собственной жизни богатого человека. Свободная композиция текста давала возможность пополнять его все новыми хозяйственными советами. В некоторых списках такие дополнения мы и находим: то ритуал свадебного чина, то советы по хозяйству, то рекомендации «о банном вхождении», то рецепты новых блюд, а то и указания о лечебных травах, способных поднять на ноги даже израненного в бою воина. Средневековому читателю все, что изложено в Домострое, прекрасно было известно и до чтения, он вырос в этом быту, но требования ритуала предполагали неоднократное прочтение известного; и он читал Домострой, обогащая его смысл личным опытом жизни. Слово оборачивалось делом, пройдя через личную мысль.

По этому тексту можно судить, насколько важным было требование средневековой литературы: практическая ценность произведения определяет его художественные достоинства и его авторитетность. Быт характеризуется полной слиянностью со всеми природными стихиями, частью которых является и сам человек. Вместе с тем — парадокс, — все природное воспринимается уже как враждебное, бесовское, противное человеческому, божественно духовному. Такова культура, которую называют средневековой. Именно в этой культуре и обретается Домострой. Этика для нее важнее экономики, политика существенней корысти и пользы, ценит она воспитанность, а не образованность, уважает дело, а не пустые речи, тянется к общему, пренебрегая личным, борется со своеволием и больше всех прочих грехов осуждает зависть, строптивость и лень, стоящие на пути всеобщего благоденствия. Не душевность сердца, а духовность совести требует Домострой от своего читателя. По меткому замечанию В. О. Ключевского, «древнерусская педагогика Домостроя выбивала автоматическую совесть» из своевольных и активных в быту горожан.

При чтении Домостроя не следует поддаваться эмоции отрицания, присущей современному человеку: всё не так, как у нас, и, значит, всё очень плохо. Текст составлялся постепенно, в его основе лежат высказывания тысячелетней давности, особенно заимствованные из Слов Иоанна Златоуста — главного учителя средневековой этики. Первая часть вообще выражает не свойственный русской среде дух «монашеского православия». Совсем иная вторая часть, здесь Домострой расширяет функции «жены», социальные и гражданские, как хозяйки Дома, равноправной с господарем (Самим) и подотчетной только ему. Уважение к старшим, особенно к родителям — важная составляющая текста Домостроя. Одна из сильнейших мыслей Домостроя такова: любите родителей за то только, что они породили вас. Этот аргумент заимствован из Изборника, переведенного на Руси в 1076 году. Главы о «воспитании» молодого поколения также несут следы своего времени. Домашнее воспитание, описанное в Домострое, развивало возрастно-половые и индивидуальные свойства ребенка, вырабатывало темперамент и задатки, а затем устанавливало статус человека в обществе, наполняя его социальными «ролями» и ценностными

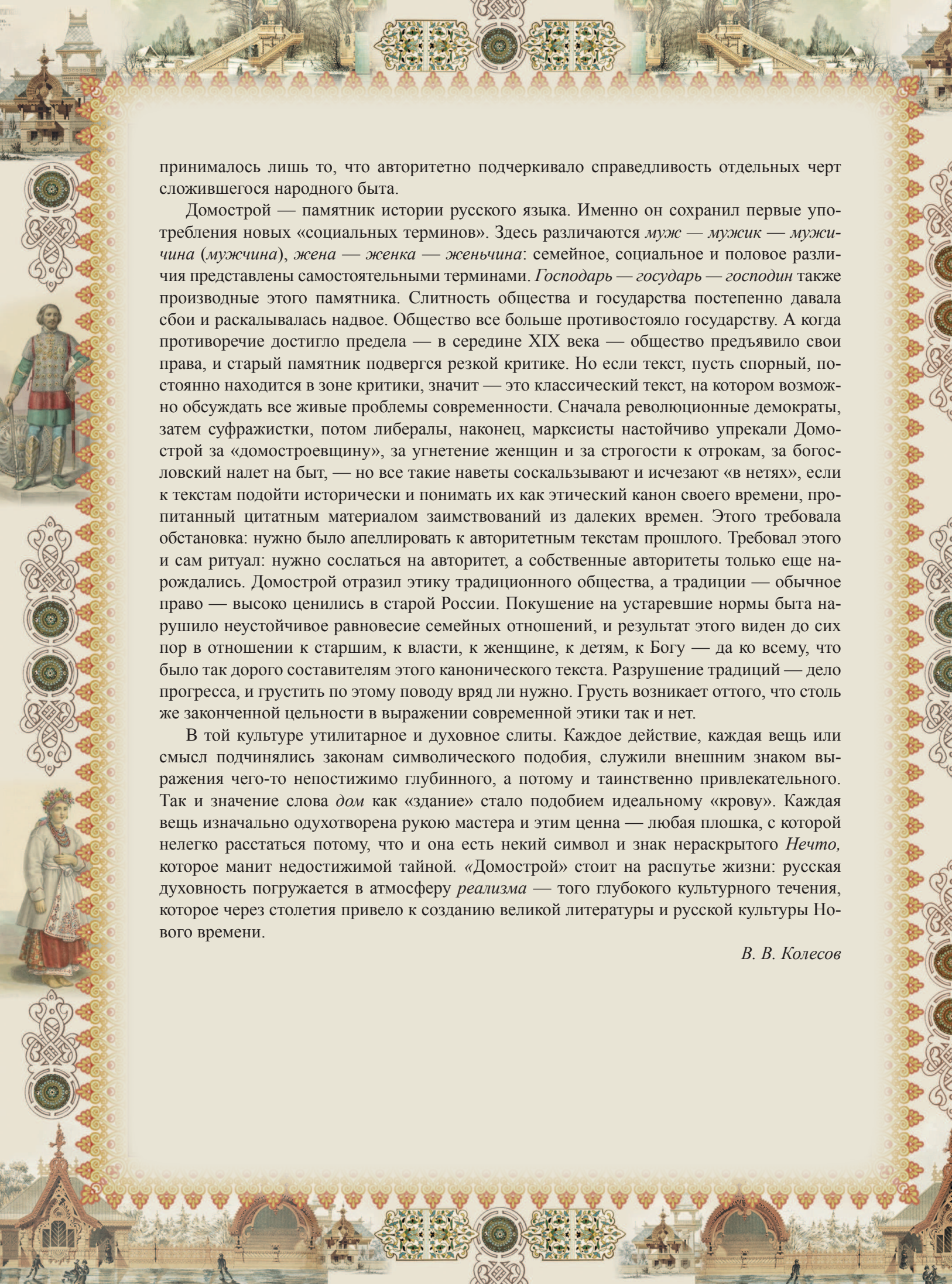
ориентациями, то есть формировало характер, создавало личность как воплощение определенного социального типа. Что же касается дальнейших этапов формирования личности, например, человека как субъекта деятельности, то в Средние века отношение к воспитанию творческих возможностей человека было отрицательным. Средневековое общество не нуждалось в индивидуальностях, оно исповедовало только одну истину: «всего важней порядок в доме».

Книга пополнялась частями, переведенными из западноевропейской литературы; много переводов было сделано именно в Новгороде с латинского, «немецкого» и польского языков. Но много было и оригинального новгородского. Практические советы по хозяйственной деятельности домовладыки постоянно пополнялись. Так образовалась книга, состоящая из трех частей — повествующая «о духовном строении», «о мирском строении», «о домовном строении» — это этика, политика и экономика в традиционном исчислении глав. Композиция Домостроя проста, как молитва «Отче наш», которую знали все. Еще короче это представлено в формуле: «Вера — надежда — любовь» и мать их София — премудрость житейская. Такое впечатление, будто именно этими соображениями руководствовались первые составители Домостроя, выстраивая композицию книги.

Давно замечено, что утверждаемые в Домострое нравственные нормы лишь формально связаны с этикой христианства: здесь представлено христианство по плоти, а не по духу. Согласно обряду, а не велением духа, по изменчивым обстоятельствам бытия. Это ощущение ближе к древнерусскому, «жизнерадостному» христианству, когда были сильны еще остатки язычества, и последняя часть книги вписывается в такую веру. Во-первых, раблезианским обилием пищи, представленным в заключительных главах, за которым исчезает духовное, а, во-вторых, ориентаций на Дом, на семью, понимаемую широко как familia, в которую входят чада и домочадцы — вплоть до самых последних служек. В XV веке стали складываться известные ныне пословицы и поговорки, а в Домострое они представлены еще в виде неприбранных библейских афоризмов, а то и прямых цитат. Из них соткан текст, и интонации церковного поучения или деловой отписки так и сквозят при чтении. Передать эту интонацию старого оригинала и старался переводчик. Две письменные стихии сошлись в Домострое — церковнославянский устав и деловая скоропись: церковная и житейская мудрость пытались создать тот сплав общественного настроения и этических норм, который на долгое время и составил основные черты русской ментальности, которая, впрочем, обреталась еще в атмосфере русской духовности. Все заимствования и цитаты представлены избирательно, из переводных источников

Домострой. Титульный лист списка XVII в.

принималось лишь то, что авторитетно подчеркивало справедливость отдельных черт сложившегося народного быта.

Домострой — памятник истории русского языка. Именно он сохранил первые употребления новых «социальных терминов». Здесь различаются *муж* — *мужик* — *мужичина* (*мужчина*), *жена* — *женка* — *женьчина*: семейное, социальное и половое различия представлены самостоятельными терминами. *Господарь* — *государь* — *господин* также производные этого памятника. Слитность общества и государства постепенно давала сбой и раскалывалась надвое. Общество все больше противостояло государству. А когда противоречие достигло предела — в середине XIX века — общество предъявило свои права, и старый памятник подвергся резкой критике. Но если текст, пусть спорный, постоянно находится в зоне критики, значит — это классический текст, на котором возможно обсуждать все живые проблемы современности. Сначала революционные демократы, затем суффражистки, потом либералы, наконец, марксисты настойчиво упрекали Домострой за «домостроевщину», за угнетение женщин и за строгости к отрокам, за богословский налет на быт, — но все такие наветы соскальзывают и исчезают «в нетях», если к текстам подойти исторически и понимать их как этический канон своего времени, пропитанный цитатным материалом заимствований из далеких времен. Этого требовала обстановка: нужно было апеллировать к авторитетным текстам прошлого. Требовал этого и сам ритуал: нужно сослаться на авторитет, а собственные авторитеты только еще нарождались. Домострой отразил этику традиционного общества, а традиции — обычное право — высоко ценились в старой России. Покушение на устаревшие нормы быта нарушило неустойчивое равновесие семейных отношений, и результат этого виден до сих пор в отношении к старшим, к власти, к женщине, к детям, к Богу — да ко всему, что было так дорого составителям этого канонического текста. Разрушение традиций — дело прогресса, и грустить по этому поводу вряд ли нужно. Грусть возникает оттого, что столь же законченной цельности в выражении современной этики так и нет.

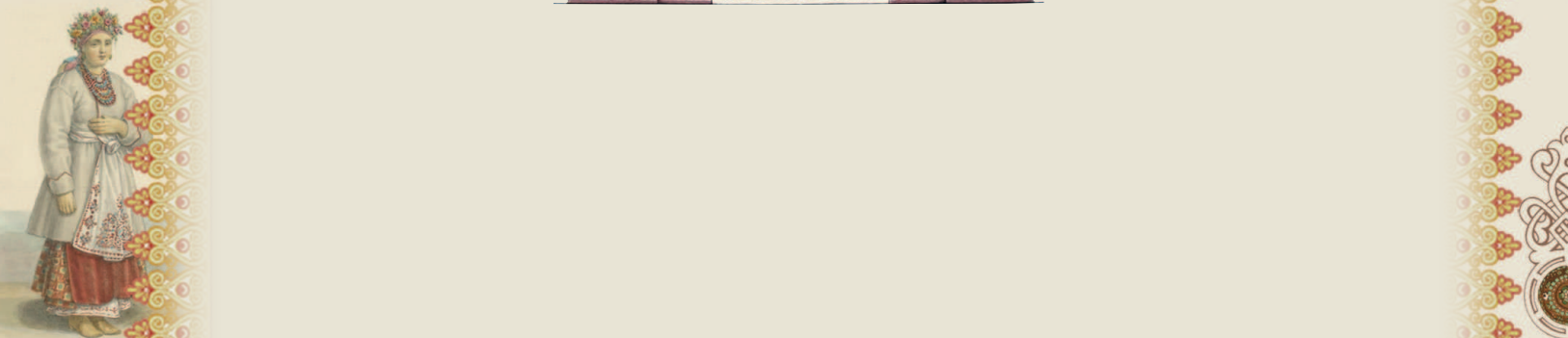
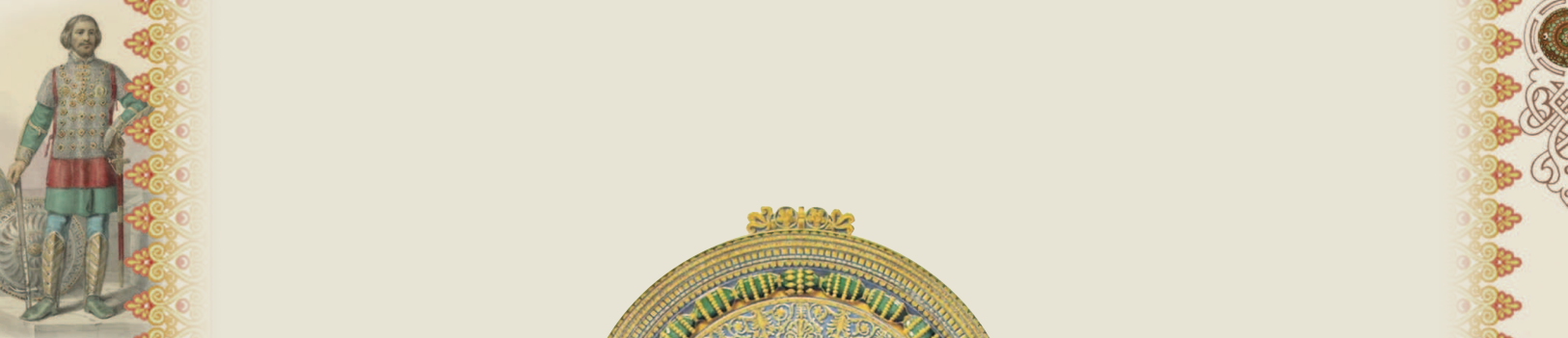
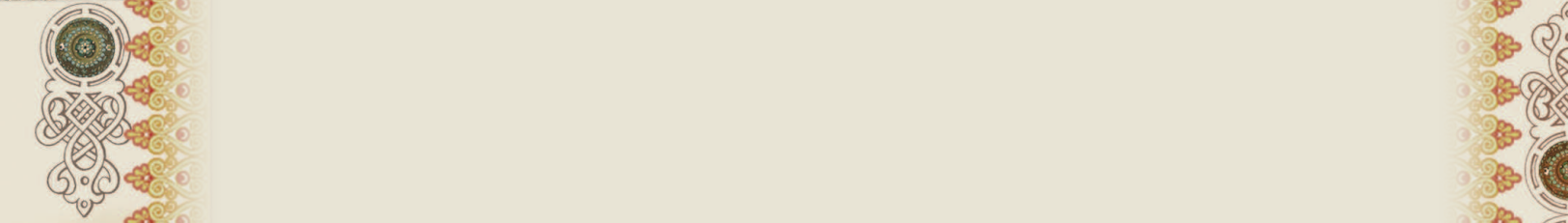

В той культуре утилитарное и духовное слиты. Каждое действие, каждая вещь или смысл подчинялись законам символического подобия, служили внешним знаком выражения чего-то непостижимо глубинного, а потому и таинственно привлекательного. Так и значение слова *дом* как «здание» стало подобием идеальному «крову». Каждая вещь изначально одухотворена рукою мастера и этим ценна — любая плошка, с которой нелегко расстаться потому, что и она есть некий символ и знак нераскрытого *Нечто*, которое манит недостижимой тайной. «Домострой» стоит на распутье жизни: русская духовность погружается в атмосферу *реализма* — того глубокого культурного течения, которое через столетия привело к созданию великой литературы и русской культуры Нового времени.

В. В. Колесов

ДОМО-СТРОЙ

ДА БУДЕТ ТАК

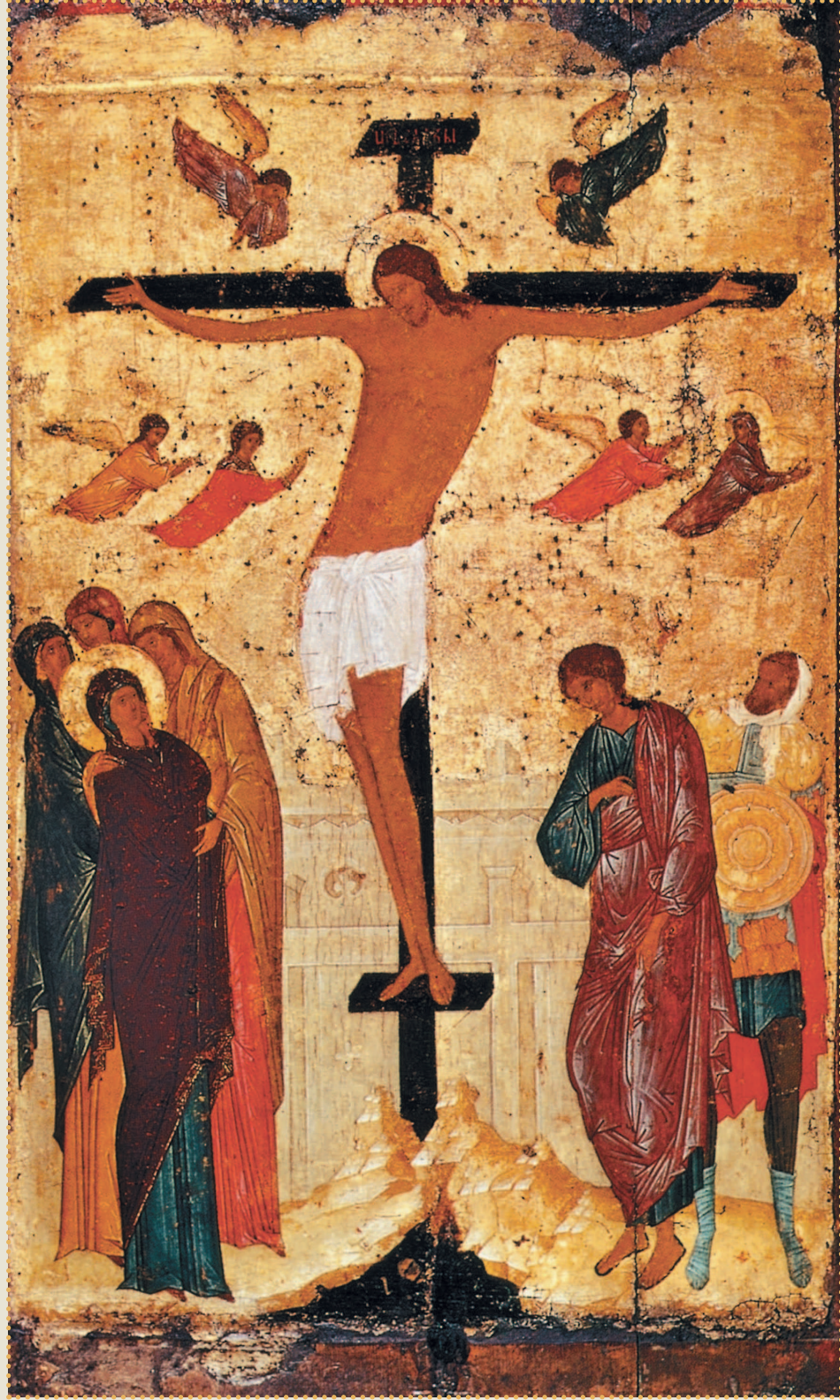
Поучение и наказание отцов духовных ко всем православным христианам о том, как веровать во Святую Троицу и Пречистую Богородицу и в Крест Христов и в небесные силы, и святым мощам поклоняться и тайнам святым причащаться и как остальной святыни приобщаться. О том, как царя почитать и князей его и вельмож, ибо сказал апостол: «Кому честь — честь, кому дань — дань, кому подать — подать»². «Не напрасно меч носит, но в похвалу добродетельным, неразумным же в наказание»³. «Хочешь не бояться власти? Делай всегда добро»⁴ — перед Богом и перед властью, и во всем покоряйся ей и по правде служи — и будешь избранный, и имя царя в себе понесешь.

А также о том, как почитать священников — попов и монахов — и пользу от них получать, творить молитвы на благодать дому своему и всех дел своих, и душевных и телесных, но пуще всего — духовных; и с прилежанием им внимать, и слушать их поучения, словно из Божьих уст.

А еще в этой книге найдешь ты некий устав о мирском строении: о том, как жить православным христианам в миру с женами и с детьми и с домашними, как наставлять их и поучать, и страхом спасать и грозой запрещать и во всех делах сохранять их в чистоте, душевной и телесной, и о них заботиться, как о собственной части тела, ибо сказал Господь: «Да будете оба в едину плоть»⁵, — а апостол

Богоматерь Донская.
Школа Феофана Грека. Кон. XIV в.

Распятие. Дионисий. Ок. 1500 г.

Пахарь Л. Н. Толстой на пашне. И. Е. Репин. 1887 г.

сказал: «Если страдает один член — то все с ним страдают»⁶; также и ты, не о себе лишь заботишься, ни о жене, и о детях своих, и обо всех остальных — до последнего домочадца, ибо все мы связаны единою верой в Бога. И с добрым таким прилежанием неси любовь всем, живущим по-божески, точно око сердечное⁷, на Бога взирающий, и будешь, точно сосуд избранный, не себя одного несущего к Богу, но многих, и услышишь: «Добрый рабе, верный рабе, будь в радости Господа своего!»⁸

А еще в этой книге отыщешь устав о домовом строении: как учить и жену, и детей, и слуг, и как всякий запас собирать — и хлебный, и мясной, и рыбный, и овощной, и о домашнем хозяйстве, особенно в сложных делах.

А всего ты найдешь здесь тут 67 глав.

ПОУЧЕНИЕ ОТЦА СЫНУ

Благословляю я, грешный (имярек), и поучаю, и наставляю, и вразумляю единственного сына своего (имярек) и его жену (имярек), и детей их, и домочадцев — следовать христианским законам, жить с чистой совестью⁹ и по правде, в вере соблюдая волю Божию и заповеди его, а себя утверждая в страхе Божьем и в праведном житии, жену наставляя и домочадцев своих не понуждением, не битьем, не тяжкою работой, а словно детей, что всегда в покое, одеты и сыты, и в теплом доме, и всегда в порядке. Вручаю вам, похристиански живущим, на память это писание, на вразумление вам и детям вашим. Если ж писания моего не примете, наставлению не последуете, не станете жить по нему и поступать не будете так, как здесь сказано, дадите ответ за себя сами в день Страшного суда, а я преступлениям и грехам не причастен вашим, не моя то вина: благословлял я вас на благочинную жизнь, и размышлял, и молил, и поучал, и писал вам. Если же примете простое мое поучение и ничтожное наставление¹⁰ со всей чистотою душевной и прочтете, прося, насколько возможно, у Бога помощи и разума, и коли Бог вразумит, претворите их все в дело, — будет на вас милость Божья и пречистой Богородицы, и великих чудотворцев, и наше благословение отныне и до окончания века. И дом ваш, и чада ваши, имение ваше и богатство, какие вам Бог послал нашим благословением и за ваши труды — да будут благословенны и преисполнены всяческих благ во веки веков. Аминь.

Снятие со креста. 2-я пол. XV в.

